

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №15 ГАЗЕТА

Владимир Муссалитин / Ave Maria

МУССАЛИТИН Владимир Иванович

Родился в 1939 году в городе Новосиль Орловской области.

Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в орловских газетах «Урицкая правда» и «Орловский комсомолец». С 1969 по 1975 год — собственный корреспондент «Комсомольской правды» по Уралу, с 1975 — в газете «Известия». С 1992 года — главный редактор международного литературно-художественного журнала «Форум».

Член Союза писателей СССР с 1975 года. С 2018 года — секретарь Правления Союза писателей России. В 1968 году вышла первая повесть «Старые шрамы». Автор повестей «В ясном небе» (1977), «Восемнадцатый скорый» и «Третий полюс» (1982), «В ясном небе» (1985), «Когда не спит сова Минервы» (1988), романов «Искры догорающего костра» (2008), «В городе Иерусалиме, на реке Иордан...» (2013).

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живет в Москве.

Москва и «мужики сибирские»

«Сибирь» — журнал державный. На обложке 2-го номера за этот год — Александр Невский, полководец и великий защитник Руси. А на страницах журнала — защитники духовных рубежей нашей великой родины. Поэт Валентин Сорокин, представленный в выпуске юбилейной поэтической подборкой и статьёй о его творчестве Олега Малинина («Полёт орла»), — настоящий ратник русского слова. Автор поэм «Евпатий Коловрат», «Дмитрий Донской», «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове), «Обелиски» и многих других.

Вот такие авторы и герои у журнала «Сибирь»! Познакомиться поближе с уникальным изданием можно было на презентации в Союзе писателей России. Журнал представляли главный редактор, писатель Анатолий Байбородин и московский прозаик Лидия Сычёва, ведущая литературного вечера, главный редактор интернет-журнала МОЛОКО.

Встреча получилась яркой и эмоционально-насыщенной. Звучали стихи. Валентина Сорокина (их прочитали Лидия Сычёва и поэтесса, выпускница Высших литературных курсов, Елена Мозжухина), Юрия Ключ-

никова (творчество старейшего сибирского писателя, автора журнала, представил его сын, издатель Сергей Ключников), Александра Кувакина — в исполнении автора. Николай Вяткин и его дочь Мария представили вокальные произведения под аккомпанемент гуслей. Мыслью публицистической блистали выступления Александра Витковского и Игоря Шумейко. Оба автора — неравнодушные граждане. Витковский представил свою новую книгу «Пеликанша.

Учитель — птица неясать» — о современной школе, учителях и родителях. Шумейко вспоминал об иркутских встречах с Валентином Распутиным, говорил о том, что «Сибирь — территория свободы». Здесь никогда не было геноцида народов, в отличие от «просвещенного Запада», обеих Америк, Африки, Азии, Австралии...

Емко и содержательно выступила публицист Ирина Ушакова, автор книги о выдающемся русском педагоге С. А. Рачинском. Сотрудничая с жур-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2021 №15 /1884/ Основана в 1927 г.

Владимир Муссалитин

Ave Maria

Роман

Детям Второй мировой войны посвящается

I

В последний приезд мать не понравилась Михайлову. Не понравилась, как только завидел в тамбуре её лицо. Заметно осунувшееся, с сильно набрякшими под глазами мешками. «Мать, ты чего это? Ты чего?» — твердил растерянно, поспешая за замедленным ход вагоном. Не понравилась мать ему и тогда, когда вскинул руки, чтобы помочь ей сойти со ступенек вагона, а она, вдруг обмякнув, чуть ли не повисла на нём, неуверенно ища ногами землю. И совершенно непривычными показались сухие, горячие губы, когда ткнулась в его тщательно выбритую щеку.

— Скажи, сынок, очень изменилась?

Михайлов опешил. Мать словно читала его мысли. Потому и не сразу нашёлся.

— С чего ты взяла?

— Бывшая соседка наша, Судакова... Ты в шестой или седьмой ходил, вместе за орехами под Хотынец ездили... Судакова тоже теперь в город к сыну перебралась. Она и сказала: не признала что-то вас... Вроде вы и вроде... призналась, что и поздоровалась наугад.

— Ты часто с этой Судаковой видишься?

— Иногда на базаре или же в магазине... Сынок, только правду скажи: сильно изменилась? А может, эта Судакова просто так, из зависти... Нам же всегда завидовали. Хоть и завидовать-то нечему... Сам помнишь, как жили. От полочки до полочки, да и то у соседей одалживались...

— Мама, меньше всего слушай всяких там судачковых... И знай: ты у меня самая красивая...

— Скажешь тоже.

— Да, самая, самая!

Михайлов остановился. И внимательно посмотрел на мать.

— А чтобы оставаться такой, хотя бы немножко думай о себе. Всё вкальываешь и вкальываешь. И наверняка нормально не ешь. Как прежде, всё на ходу да на бегу. Всухомятку. Перекусила — и дальше. Мы же договаривались: выйдешь на пенсию, и никакой работы и подработок. Так нет же! И кто-то же надоумил определиться в этот

«Зеленстрой». Вязать всякие цветочки-веночки и венчики... Я же обещал! И повторяю: всегда помогу... побереги себя, ради бога. Уж если и не ради нас, то хотя бы ради внучат... Ведь надо же их дожидаться... А всяких там баб поменьше слушай. Они что угодно будут молотить...

Михайлов теснее прижал локоть матери и поцеловал в щеку.

— Спасибо, сынок, спасибо! — как-то тихо, неуверенно отозвалась мать, стараясь подстроиться под его широкий шаг.

Михайлов тотчас закоротил его, перебросил с руки на руку тяжёлую хозяйственную сумку, удивляясь тому, чем же таким умудрилась мать набить её. Какие ещё гостинцы! Обычно все из столицы везут. Что там найдёшь в орловских магазинах, хоть в продуктовых, хоть в промтоварных?

Свободных такси на привокзальной площади, как всегда перед праздниками, не было видно, да и мать не похвалила бы его за такси, сочтя это барством, лишней тратой денег, когда можно свободно доехать на метро, а затем пересесть на автобус, который и останавливался чуть ли не напротив самого дома.

Метро оказалось набито народом, и он, видя, что мать в этой тесноте и духоте окончательно сомлела, больше всего клял себя за то, что не решился потревожить мордастого мужика, чтобы посадить мать. Не решился потревожить эту бесстыжую рожу, то ли действительно задремавшую, то ли прикинувшуюся таковой.

Тёща уже заждалась их, тотчас распахнув дверь.

— Милости просим, Мария Петровна! Милости просим, дорогая... Вы что-то совсем редко стали навещаться...

Варвара Тимофеевна с радостью расцеловала гостью. Всё это было искренне, и Михайлов был благодарен тёще за то, что проявила такт, не удивившись явной перемене во внешности сватьи, её столь очевидной, невольно бросавшейся в глаза худобе... Особенно же Михайлов был благодарен тёще за хлебосольство. Он видел, что та с нетерпением ждала приезда его матери, навещаясь по утрам то в ближайший, «цыганский», как окрестили в округе магазин «Рыба—мясо», то в более дальний продуктовый магазин, в мясной его отдел, где водила знакомство не только с продавцом, но и с рубшиком мяса, балагуром Петро, всегда умевшим угодить, подыскать хозяйке именно требуемый кусочек...

Варваре же Тимофеевне надлежало не только достойно встретить сватью, но и вкусно, сытно провести с домочадцами первомайские праздники, порадовать сватью любимым её рыбным заливным, а более всего, холодцом. И то и другое делала сама. И делала, надо сказать, мастерски. Помимо заливного и холодца Варвара Тимофеевна приготовила ещё и два

лоточка трески под маринадом, любителями до которой были муж, да и зятьёк.

Хозяина, как уважительно величала Варвара Тимофеевна супруга, ждали домой ближе к вечеру. Спозаранок ещё отправился в Тёплый Стан, чтобы помочь старшей дочери Светлане в её приготовлениях к празднику. Светлана не любила приезжать с пустыми руками, хотя Варвара Тимофеевна всякий раз предупреждала, что всего в доме предостаточно. Требуется лишь одно: вовремя сесть за стол и всё это, приготовленное с любовью и желанием, непременно съесть, не давая полезному, да что там и говорить, нередко и дорогому, продукту пропасть зазря, что хотя не часто, но всё же случалось.

Варвара Тимофеевна задолго до праздника предупредила дочь, что всего прикупила, всего наготовила. Но дочь, касалось ли это мелочей или более чего серьёзного, трудно было переубедить. Такой вот задалась Светлана, хотя и Аннушка мало чем отличается от старшей сестрицы. Но за той теперь просто трудно уследить. Всё на гастролях да на гастролях. Нынешний год начали с Европы, осенью их ждут на Кубе, затем в Японии... Но не стоит лишний раз думать или говорить об этом, чтобы не сглазить. Нет-нет, она нисколько не суеверная, но всё же... Варвара Тимофеевна со школьных лет увлекалась географией и в пединституте выбрала заветный факультет, но работать по специальности, преподавать любимый предмет в школе почти не пришлось из-за частых переездов мужа. Военный человек, известно, сам себе не принадлежит. Куда пошлют, туда и поспешай. И мало кого занимает, найдётся ли в том дальнем гарнизоне сколь-нибудь подходящая работа для твоей половины. В Курган-Тюбе два года просидела с малышнёй, столько же в Нарьян-Маре...

Кто прилежно возил руками по географической карте, а то и забирался на эту карту с ногами (Варвара Тимофеевна для большей наглядности по привычке расстилала её на полу,) так это её красавицы.

Мужу с удивительным постоянством везло на самые что ни есть дальние гарнизоны. Даже в Кушке, отмеченной в солдатских поговорках, вроде той, что больше, чем гауптвахта, не дадут, дальше Кушки не пошлют. Так и в этой Кушке пришлось без малого три года протрубить. Зато в конце службы ему, полковнику, добросовестно отслужившему двадцать пять календарных лет, выпал редкий жребий, предел мечтаний для многих служивых людей — столица. Причём службу заканчивал в аппарате Генштаба.

Карту же ту, с которой они кочевали по гарнизонам, Варвара Тимофеевна сберегла и, когда получили добротную, в кирпичном доме, трёхкомнатную квартиру в Медведкове, повесила карту-спутницу, подклеенную с тыльной стороны марлей, на стене в зале, рядом с настенными часами во внушительном

дорогого дерева футляре с памятной гравировальной пластинкой, что это — подарок от сослуживцев Ершова в день увольнения в запас.

Рядом с этой картой СССР, верной спутницей их странствий по необъятным просторам родной страны, вот уже чуть ли не десятилетие соседствовала и другая — политическая карта мира, приобретённая тёшей Михайлова в день отъезда Аннушки на первые зарубежные гастроли, а пришлись они на Индию, полубившуюся и запавшую в душу Варвары Тимофеевны с юности, с сентиментальных и трогательных фильмов с красавцем Раджем Капуром, пленившим в своё время не одно женское сердечко.

Варваре Тимофеевне теперь доставляло немалое удовольствие отмечать флажками места гастролей любимицы доченьки, выбравшей нелёгкий артистический хлеб. Непросто было ей, как, впрочем, и её товарищам, отбивать своими каблучками этот хлебушек в прославленном моисеевском ансамбле. Чего стоил лишь один жестокий, иначе и не скажешь, отбор в ансамбль, который нередко проходил, что и весьма справедливо, под пристальным вниманием самого маэстро.

Набор этот проводился раз в году. И набирались девчонки и мальчишки, достигшие 14-летнего возраста. Сотни их везли со всей Москвы и могли бы привезти гораздо больше, причём не только из столицы. Но круг был очерчен весьма чётко, потому что у ансамбля не было своего общежития. Каждый набор ограничивали двумя дюжинами девочек и, соответственно, таким же количеством мальчиков.

Как дурной сон вспоминалось то, что пришлось испытать в дни отбора в ансамбль. Поиск самого необходимого для просмотра, сам этот просмотр, наконец, томительное ожидание вердикта: прошёл или нет.

И надо же быть таким непробиваемым, как её благоверный. Ему было всё равно — возьмут дочку в ансамбль или же она продолжит учёбу в обычной школе. Для Варвары же Тимофеевны это было весьма важно. Она молила лишь об одном, чтобы осуществилась мечта дочери. В отличие от совершенно спокойного мужа, она вся трепетала как осиновый листочек все те дни просмотра-отбора... Бедняжка-дочка исхудала, да и она сбросила лишний жирок, причём к немалой радости своей. Впору оказалось многое из того, от чего уже было решила напрочь отказаться. Та же шубейка из королевского кролика и любимая, лёгонькая и ладненькая, болгарская дублёночка.

Она переживала за дочь, за то, чтобы та непременно попала в прославленный, известный всему миру ансамбль. И каково же было ей впоследствии услышать признание суженого, что он и не больно рад тому, что дочь попала в ансамбль. Ну, хоть стой,

хоть падай. И это своё тайное неудовольствие объяснил весьма просто: не хотел такую несмышлёную отпустить одну из дома. Ведь у них, артистов, нравы известно какие!

Но разве она меньше его переживала за судьбу дочери? Да и не может дочь просидеть всю жизнь возле них. Это-то надо понять. Сам вон сколько поколесил по стране. Правда, не по своей воле. Сам-то домосед домоседом. А Анюта в неё пошла. Такая же непоседа, так же легка на ногу. И так же безумно любит танцы. В крови это, видать, у них, Ершовых. Вот и отцовскую фамилию менять не стала, хотя супруг долгое время дулся...

А танцы Варвара Тимофеевна очень любила. И до замужества, да и после. На седьмом месяце беременности, отыскав по радио подходящую мелодию, ни с того, ни с сего пританцовывала и вовсю кружила по комнате. Да чего там лукавить, не беспричинно конечно же. От радости, от полноты бытия. И замужем к тому же за хорошим, надёжным и, главное, любящим человеком и родила красавицу дочку, в которой муж души не чаёт, и вот уже снова готовится стать матерью...

Около шести часов вечера, как и намечалось, все наконец-то собрались и присели к столу. Варвара Тимофеевна хотела было усадить сватью рядом с собою, но зятёк опередил, усадил мать рядом. И Мария Петровна была рада этому, вся неожиданно вспыхнув, залившись румянцем от такого внимания к ней.

Стол, как это всегда водилось у Ершовых, был красив и богат. И традиционное оливье, и солёные да маринованные огурчики с помидорчиками. И грибочки, которые сам же хозяин и собирал. И мясной салат. И конечно же рыбка, отменная треска под маринадом.

Михайлов, памятуя о том, что мать прежде отдавала предпочтение именно треске, положил в её тарелку самый красивый и самый сочный, как показалось ему, кусочек, но мать как-то нехотя и долгоковырялась вилкой, так и не осилив даже половины кусочка. «Неужели невкусно?» — усомнился Михайлов. Мать лишь слегка пожалала плечами. Когда пришла пора горячего и на стол выставили блюдо говядины с черносливом и объёмистую тарелку дымящейся картошки, слегка присыпанной свежим укропом и лучком, и все, не сговариваясь, потянулись к коронному блюду Варвары Тимофеевны, мать и тут осталась безучастной. «Мама, но это же вкусно!» — напомнил он. «Да знаю, сынок!» — как-то вяло и нехотя отозвалась она. «Ты зря так много положил. Ведь не съем столько. Да и есть, по правде, не больно хочется...»

«Нет, нет, с матерью явно что-то не то. Не то! После праздников, не откладывая, тут ли, в столице,

или по приезду домой в Орёл, надо непременно показать врачам, чтобы, не приведи господи, избежать самого худого... Почему-то подумалось сразу же об этой треклятой болезни... Но почему подумалось именно о ней, он бы и сам не смог объяснить. Быть может, потому, что чуть ли не каждый день слышалось: у того или иного обнаружили то-то, у другого то же самое и чуть ли не в самой последней стадии... Причём обнаружили совершенно случайно. Ничего не болело, нигде не кололо, лишь только пропал аппетит...

Как раз, когда Варвара Тимофеевна вместе со Светланой подавала горячее, на кухне раздался звонок. Варвара Тимофеевна тотчас встрепнулась и заторопилась к телефону. Наверняка Аннушка? Она редко ошибалась относительно звонков. Какая же молодец, какая же умница, про себя похвалила дочку. Надо же так подгадать к самому застолью, когда все в сборе, когда все вместе. Нет, какая всё-таки умница её доченька...

Все в доме, а уж она в особенности, ждали этого звонка. Однако звонила не дочь, а совершенно незнакомый человек. Поздравив её с Первомаем, тотчас уточнил, не ошибся ли номером. Не ошиблись, подтвердила Варвара Тимофеевна, пытаюсь угадать, кого придётся так некстати поднимать из застолья. Мужа или зятя? Муж, по обыкновению, легко отзывался на любые звонки, зять же не любил, когда его отрывали от стола. Обеденного или письменного. Как правило, заранее предупреждая об этом. Но сегодня такого уговора не было. Опять же праздник! И как в такой день не откликнуться на любой, даже случайный, звонок?

Варвара Тимофеевна положила трубку на край кухонного столика и аккуратно поманила зятя.

Михайлов и впрямь не любил, когда его поднимали из-за стола, потому, не скрывая своего неудовольствия, нехотя поднялся и так же нехотя пошёл к телефону. Если ты так нужен кому-то, даже по делу, так ли трудно дождаться буднего дня? Но звонивший ему, видимо, не хотел дожидаться начала рабочей недели, предложив встретиться немедленно. Говорил об этом столь уверенно, будто знал, что Михайлов и в праздничный день абсолютно свободен и не связан ни с кем никакими обязательствами.

Вернувшись к столу, Михайлов по наступившей тишине догадался, что и матери, и его новой столичной родне хотелось бы, чтобы он как то прокомментировал звонок. Но Михайлов счёл это лишним, дав всем сидящим за столом понять, что именно вкусная горячая еда в данный момент и для него, и для всех сидящих за столом важнее всего. Показав всем видом своим, что всецело сосредоточился на еде, чего желает и всем, Михайлов, тем не менее, всё же не мог не потужить, что столь легко согласился на эту

непредвиденную, тем более в праздничные дни, встречу, которая, и не до конца понятно, нужна ли вообще ему.

Единственно, о чём не приходилось тужить, так это о месте встречи. Самый центр столицы. Памятник основателю её. И почти рядом с этим самым памятником известный внушительный дом сталинской эпохи. Дом, как нетрудно догадываться по мемориальным доскам на нём, весьма непростой. У парадного подъезда этого почтительного дома в полдень и была назначена встреча. Михайлов, разумеется, не знал, как долго продлится она. Но загадал, если она обойдётся каким-либо часом, то, освободившись, можно будет вместе с матерью, а если и пожелают того и тесть с тещей, всем вместе прогуляться по праздничной Москве, а затем, если повезёт, то и отужинать в каком-либо приличном заведении. Последнее, правда, представлялось весьма проблематичным. Столики в кафе или ресторане, как известно, заказывают заранее. Хотя всякое может быть, учитывая, что многие на праздники поспешат за город, на природу, на свои дачи-клячи.

Удивительно, почему тесть не поторопился на свою дачку в Свистухе, в полукилометре от известного канала, что был вырыт в тридцатые годы... И выработка та, глина вперемешку с песком, и отвозилась, и сваливалась недалеко, буквально в трёх — пяти километрах от будущего канала, дабы не мозолить глаза тем, кто будет со временем наслаждаться пейзажами, которые откроются с палубы прекрасных, быстроходных судов, что начнут курсировать по рукотворному каналу, вырытому мускулистыми руками землекопов, многие из которых были совершенно не приспособлены к этому виду трудовой деятельности. Но в силу суровой необходимости уличенные в неблагонадёжности по отношению к новому советскому строю вынуждены были подружиться и с лопатой, и с кайлом, и с грабаркой.

Эти земли, основательно поросшие бурьянами, были и пущены в начале шестидесятых, когда в стране остро встал вопрос о решении продовольственной программы, в оборот. Там и посчастливилось ушедшему в запас полковнику Ершову получить шесть положенных соток, которые он, с детства приученный к труду, охотно обихаживал. Поставил неплохой щитовой домик в три комнатки с кухонькой, приобрёл у знакомых садоводов те сорта груш и яблонь, которые хотел иметь на участке... И душа радовалась всему этому буйству зелени и цветов...

За праздничным столом просидели и весь «голубой огонёк» с непременными Штепселем и Тарапунькой, Сличенко и Трошиным и всегда желанной Зыкиной... Разошлись на отдых далеко за полночь. Тесть с тещей в свою спальню, позвав с собой и незамужнюю Светлану. Матери ответили ставшую для неё

уже привычной тахту в зале. Михайлов же отправился в кабинет, который служил ему одновременно и спальней. Но лечь не спешил, будучи совершенно уверен, что перед сном мать непременно взглянет к нему.

Так уж повелось, после каждого своего приезда в столицу, а они, как правило, случались по большим праздникам или же в дни рождения его благоверной, тестя, тещи, одним словом, после общих разговоров за ужином, перед тем как всем отойти ко сну, мать заглядывала к нему, удостовериться: чем занят сын. Хотя догадаться о том было нетрудно. Водит ручкой по чистому листу бумаги или же, заложив тот же лист в пишущую машинку, стучит и стучит...

Подходила мать всегда осторожно, даже нерешительно, бочком, словно боясь помешать... Он поспешно вставал и, жестом приглашая мать занять место на диване, присаживался рядом. Какое-то время оба молчали. Затем мать, как и прежде, задавала всего лишь один-единственный вопрос: мол, как живётся, сынок? Вопрос всегда был всего-навсего один. И, казалось бы, какая сложность ответить на него? Но он терялся, догадываясь о том, подспудном, что мать вкладывала в этот простецкий вопрос. И лично его работу, и их с Аннушкой семейную жизнь, если так можно было обозначить её, учитывая постоянное отсутствие жены в доме, наконец, его жизнь в столице на квартире тестя с тещей, как сказали бы в былые времена, жизнь примака.

— Скажи, сынок, как ты?

— Всё нормально, мама...

И вновь долгое молчание.

— Ну хорошо, если так! — соглашалась мать и так же, бочком, протискивалась между изголовьем дивана и письменным столом к двери. — Хорошо, если так! — повторила на прощанье мать и в этот раз, аккуратно прикрывая за собою дверь. Затем, снова приоткрыв её, обронила негромко: — Ты хотя бы малость, сынок, пожалел себя. Вон уж ночь за окном. А ты всё работаешь... Спокойной ночи, сынок...

— Спокойной ночи, мама! — отозвался Михайлов, чуть ли не тотчас потужив, что не так нужно было проститься с матерью. Теплее и нежнее. Но мать уже прикрыла дверь.

Михайлов знал, что это ночное его бдение за книгами и писаниной весьма огорчало мать, обеспокоенную тем, что сын мало или почти не отдыхает и потому может рано или поздно попросту загнать себя. Она не раз поругивала его за это, на что он, как правило, полушутливо отзывался, что опасения её совершенно излишни, что работа у него не бей лежачего, что подобную работу он и впрямь может выполнять лёжа на спине или же на боку, исходя из того, насколько это в данном случае удобнее...

II

Пожелав сыну спокойной ночи, Мария Петровна не была уверена, что сможет скоро уснуть. Да и уснёшь ли, если не ясно, отчего не позвонила и не поздравила всех с праздником Аннушка, как обращались к ней все в доме. На неё это совсем не похоже. Это, как заметила она, очень огорчило и свата и сватью. И телевизор-то оба смотрели рассеянно, ожидая долгожданного звонка.

Спросить у своих новых родственников, как там у невестки на гастролях в этой самой Испании, где все только и знают, что танцуют и поют, было неудобно, а сын, как показалось ей, чего-то недоговаривает. Да и вообще после последнего приезда её в Москву стал малоразговорчив, не счёл даже нужным пояснить, кто же это позвонил, подняв его из-за праздничного стола. Даром, что ли, говорится: малые детки спать не дают, а с большими и сама не уснёшь! Вот и думай-гадай: каково её сыну у тестя с тещей, да и как у него с этой самой Аннушкой? Станным и неожиданным показался ей этот выбор сына. Холостяковал до тридцати, и вдруг, на тебе — выдал.

Хотя лично против Аннушки она ничего не имела. И собой хороша, и к свекрови уважительна. Похоже, и сыну по душе. И всё же надо было выбирать что-нибудь попроще. Ну, хорошо, пока молода, отплясывает. А дальше-то что? Она и родить вовремя, когда задумают, пожалуй, не сможет. Работа не позволит. Нет, не ту жену выбрал сын, не ту... Та же Женечка Насонова, дочь её давней приятельницы, которая, как и она сама, одна поднимала девчонку, но подняла и воспитала достойно. Сейчас Евгения Андреевна, шутка ли, врач-терапевт! К тому же, в отличие от невестки, не курит, да и к спиртному равнодушна, бережёт здоровье, думает серьёзно о материнстве.

Пожалуй, лучше, конечно бы, Женечка! Да разве дети слушают родителей. Прут по-своему. Ну и какая жизнь у того же сына? Он не видит её месяцами, она его. Всё разъезды да разъезды. Спрос на Ансамбль Моисеева огромен. Это, конечно, прекрасно, что невестка много разъезжает по свету, многое увидит, узнает, да плохо это, ненормально для молодой семьи, которая не успела еще как следует и сложиться. Да и сложится ли? Появились у неё такие сомнения. То ли кто из знакомых заронил, то ли сама дошла. Да и то, как не появиться этим сомнениям? Сын — здесь, она — там. А дело-то молодое. Каждому хочется нежности, ласки. Да что об этом.

Она вздохнула. Поневоле получилось громко, и она с опаской оглянулась. После отъезда сына в столицу жила одна, поначалу тяготясь своим одиночеством, а затем и привыкнув, находя в нём даже некую отраду. Да, да... Никто тебе не мешает. Устала,

так и на боковую. Хочешь — слушай себе радио, а нет, так и раздумывай неспешно о жизни, о том, как прошёл очередной день, что ждать от нового, как спланировать, выстроить его, чтобы ничего не упустить.

Да и не сказать, чтобы так уж одинока она. Хотя тут она конечно же малость лукавила. Детей подняла на крыло, и те мигом разлетелись. Один в столице, а другая — шут знает где. Аж в Албании. Как там, у дочери, она толком и не знает. Загадочная и непонятная эта страна, куда решила уехать к мужу её Люция. Многие чудили в начале тридцатых с этими именами. Хотела назвать просто Люсей, Людмилой, Людочкой, да подруга по педагогическому техникуму подбила, мол, Людмила старомодно, а вот Люция — красиво, загадочно, звучно, как, к примеру, имя Ким, которое дала своему сыну, что означало не много, не мало: Коммунистический Интернационал Молодёжи, как то же имя Вилор, которая дала другая подруга. И имя это тоже, оказывается, исполнено большого смысла, ибо соединило воедино имя вождя революции — Владимир Ильич Ленин и его главное дело — Революция. Звучными и значимыми именами нарекали родители своих первенцев, искренне веря в лучезарное коммунистическое завтра. Такое было время. Боевое, напористое... Многому их учили, многому и научили, такому, что в дальнейшем пригодилось. Помогло и выжить, особенно в военное лихолетье...

Ну, а Албания, куда занесло Люцию... И прежде-то мало что знали об этой стране. Лишь то, что страна гор и руководит ею бессменно генерал или даже маршал. Имя-то сразу запомнилось. Энвер Ходжа. Запомнилось и ещё одно имя, поскольку никто из них не был равнодушен к кино. А фильм, шедший в конце пятидесятых, так и назывался: «Великий воин Албании Скандербег». Сейчас уже и забыла, в какие времена там, в Албании, всё это и происходило.

Дай-то бог в истории своей страны, особенно её новой, не запутаться. Чуть ли не каждое десятилетие переписывают. И как не надоест! Был почитаем великий вождь, с именем его шли в бой, погибали, выкрикивая перед своей смертью его имя, с именем его связывали всё главное, чего достигла страна... А ушёл в мир иной, и новое руководство, которое к нему на известной трибуне тесно жалось, в один прекрасный день самым бесстыдным образом отвернулось от недавно почитаемого вождя.

И великого покойника охаяли, и всех тех, кто был его соратником как тут, на родине, так и вдали от неё. Развели в стороны друзей, сделав их чуть ли не врагами... Да ну её к шутам, эту политику... Мало ли о чём болит душа. Да и Албания же выплыла не случайно. Там же дочка Люция, да и внучата, пока что неизвестные ей.

Раньше хоть письмецо-другое в месяц. А сейчас вот уже второй год молчит. Про Албанию такое документальное кино показали, что даже и всплакнула. Да и как не всплакнуть было. Надо же, наша техника, которой снабжали этих албанцев в начале пятидесятых, основательно поизносилась, на новую же, видать, кишка тонка. Вот и показали, как те албанцы двух крепких волов подпрягли к большому, изрядно потрёпанному грузовику, не иначе как «ЗИСу», и ну себе погонять бедную скотину, чтобы тянула в гору этот грузовик... Может, и Люция со своими детишками, до сих пор так и не виденными её внучатами, в кузове такого же «зиска», влекомого усталыми волами, по горным албанским дорогам перебирается...

Вновь смахнула неволью набежавшую слезу и строго приказала себе: спать. Однако не получалось. Никак не получалось. Мысли вокруг невестки стали роиться, вокруг её ненадёжной профессии. Сыну и не заметила, как за тридцать перевалило, да и Аннушке скоро двадцать два. Пора бы обоим о деточке задуматься... Сватья тоже, хотя и слова на этот счёт не проронила, поди, о том же думает. Вон как из окошка, когда на кухне стряпала, поглядывала на ребятню, что возилась во дворе.

Ребёночек нужен. Очень даже... Ей тут же явственно послышался детский голосок, тотчас перелившийся в жалобно-глухое лошадиное ржание. «Откуда это?» — удивилась она. Лошади, как известно, в московских дворах не водятся. Разве только раньше, когда тут оставались последние дома московской деревушки Свиблово, пока их ненасытная столичная утроба не поглотила.

Протяжное ржание спустя какое-то время повторилось, но уже глуше, в некоем отдалении, напоминая ржание гнедой кобылки, той, что выделили им в день эвакуации из Голуни.

Весьма своенравной оказалась та кобылка. Чуть ли не до слёз доводила её, неволью оказавшуюся в роли возницы. Две другие женщины, её случайные попутчицы, которых свояк вместе с их, как у неё, нехитрым скарбом пристроил на райисполкомовскую телегу, просто панически боялись подходить к лошади. Она же как-никак в детстве помогала отцу, когда тот был управляющим в имении матери. Да, да, был объездчиком, а стал управляющим.

Отец умел всё и не чурался никакой работы. Запрячь лошадь, ну так что ж... Конюха ему для этого не требовалось. Раз-два — и лошадка уже под седлом или же под дугой. Но то была своя лошадка. А эта ещё неизвестно как поведёт себя. Например, вздумала перед каждой мало-мальски приметной горюшкой останавливаться. Встанет как вкопанная перед ней и давай себе ржать. Вначале тихонько, чуть жалобно, затем всё громче и громче, как бы жалуясь на не-

подъёмную ношу. Все спешатся с подводы и взрослые, и малышня. А их и было-то: три бабы да пятеро ребятшек. А это гнедое сокровище всё продолжает ржать, выражая тем самым своё недовольство.

И, потакая ей, они с готовностью стаскивают с подводы весь свой нехитрый скарб: постели, прихваченную на холода тёплую одежку, наконец, кухонную утварь. И только тогда кобылка, скосив свой лиловатый глаз на опустевшую повозку, успокаивается. Мария же Петровна берёт лошадку под уздцы и ведёт в поводу в горку.

Отгадка отыскалась не сразу, пока не встретился под вечер в дороге мужик — инвалид на деревяшке вместо правой ноги. Приостановился подле них, когда они в очередной раз стаскивали с подводы свои пожитки, усмехнулся, приказал всё быстренько вновь покидать на повозку. Взял повод в руку и сказал кобылке что-то дерзкое чуть ли не в самое ухо, так кобылка как миленькая рванула в горушку, чуть ли не свалив инвалида. И была отгадка-то донельзя проста, оказывается, лошадка повиновалась лишь твёрдому мужскому голосу и мужской же руке. Не раз они потом добрым словом вспоминали того инвалида, оставившего свою ногу где-то в германских болотах в ту ещё Первую мировую, четырнадцатого года... В год рождения её младшего брата Миши. А всего их было у матери двенадцать. Это только выживших... Двенадцать! Сейчас и представить такое невозможно... Старший Федя, потом Дуся. За нею Зина. Или нет, Настенька, а Зина потом, хотя кто-то был еще между ними... Был! Только умер крохой, даже имя не успели дать... И после Зины был мальчик, и тоже не успели наречь, хотя и имя подобрали — Родион, даже к крестинам готовились.

И что такая неугомонная кобылка в ночи голос подаёт? И чего это покоя ей нет? Совсем совесть потеряла. А та кобылка, на которой они от немцев вглубь Рязанщины уходили, как же звалась? Ведь недавно совсем имя ее вспоминала. А сейчас, хоть убей! И имя-то немудрёное, даже простенькое. Но ничего страшного, вспомнит. Вспомнит непременно. С ней иногда такое случается. Вспомнится, как вспомнился и, будь он трижды неладен, Козенков, их школьный сторож, у которого в тридцать втором отвели на общий двор, как это было принято тогда, и лошадку, и коровку, поскольку были они у того не последние.

Козенков! Имя этого негодника быстро вспомнила. Да и как было не вспомнить после сказанного им прямо в день эвакуации, без всякой околесицы. «Это, мол, хорошо, что ты вместе со своими сосунками выметаешься, лишний грех не придётся на душу брать, а то бы, не ровен час, германские хлопцы на порог, так я бы на тебя первую, на жёнку красного командира, и указал. Чему детишек учила, ка-

кие игры хороводили, какие песни горланили. «Если завтра война, если завтра в поход...» Вот она и война, и сила великая грянула. И что же: сматываетесь? Да побыстрее, побыстрее!» И хлестнул от души по лошадиной хребтине. Лошадка-то дёрнулась. Но, на беду, не притороченное как следует, ведёрко свалилось. Прямо к её ногам. Ну и она не растерялась, метнула то ведёрко в подлого двурушника. В отместку за всё услышанное, в отместку за ту не забытую и не прощённую встречу в лесу прошлой осенью, когда она, увлечшись сбором грибов, а их уродилось в ту осень тьма-тьмушая и не случайно бывалые люди уверяли: всё это к войне, которая на следующее же лето и случилась.

Так вот, грибы те невольно увели её в сторону от знакомой дороги. И она в поисках её заплутала, потерялась в лесу... И какова же была радость для неё, потерявшейся в глухом лесу, встретить уже ближе к вечеру знакомого человека. Да и не просто знакомого, а который работал вместе с ней в их школе сторожем-истопником... Радость была безмерная, она была готова чуть ли не броситься ему на шею. Но тот по-своему расценил это её нечаянное движение. Не успела она сбросить с плеча тяжёлую корзину и растереть затёкшее плечо, как тот, с заду, мигом облапил её, повалил в траву...

Неизвестно чем бы всё это кончилось. Но ей как-то чудом удалось вывернуться из-под этого, потерявшего рассудок борова, выскочить из его крепких лап и рвануть напрямки, сквозь хлёткий, но оказавшийся спасительным для неё березняк. Боковым зрением она видела, как сторож рванулся следом, но запутался в собственных спущенных штанах и свалился голой задницей недалеко от тех берёзок, где и намеревался овладеть ею...

Не успеи они тогда эвакуироваться из Голуни, тот паскудник непременно бы выдал её фашистам. Без всякого сомнения. Но Господь по-своему распорядился. Уже когда возвращалась она со своей ребятней из эвакуации, решила по пути заглянуть в Голунь, где в укромных местах в большом школьном сарае, с надеждой на лучшие времена, припрятала кое-что из своей и детской одежды-обувки. Ясное дело, ничего из припрятанного не нашла, да и странно, если бы что-то вдруг после того лихолетья нашла.

Коротким был тот привал в Голуни. Бойцы с полуторки, что из жалости взяли её подвезти, торопили, мол, давай поскорее, нам опаздывать нельзя. Служба. Но и, несмотря на краткую остановку, пригоршню новостей успела высыпать ей школьная уборщица Серафима, которая всю оккупацию провела в Голуни и которая в день её отъезда из Голуни стала поневоле свидетельницей её необъяснимой выходки с ведром, которое, как оказалось, несо-

мненно, прибрал к рукам их хозяйственный конюх-истопник.

С него-то, с этой гадины, и начала своё торопливое сообщение о голунских новостях Серафима. Всё неплохо у Козенкова при немцах сложилось. Помог карателям подкараулить в их Голуни партизана-разведчика, а потом и женщину — связную из соседней деревни Сорочьи Кусты. Одним словом, вошел в полное доверие к оккупантам.

Доверие это состояло и в том, что он, по обыкновению, сопровождал двух дюжих солдат с алюминиевым десятиведерным баком на санках к целебному, как считалось в округе, роднику, что бил под берегом Зуши. Один из таких февральских походов и оказался для угодника Козенкова последним. Снаряд, выпущенный с нашей стороны, уложил всех вместе. И тех фрицев, и их прихлебателя. А последнему так и снёс башку напрочь. И отлетела та дурная не куда-нибудь, а в тот самый вместительный десятиведерный бак, только что наполненный чистой родниковой водичкой.

Её даже передёрнуло от услышанного о последней минуте подлового сторожа. Но больше всего от представленного на миг, прямо-таки сияющего под февральским ярким солнышком десятиведерного алюминиевого бака, в который плюхнулась оторванная голова, вмиг обagrив чистую родниковую водицу.

Мария Петровна, чего никогда не водилось за нею, ибо в Бога особо и не верила, уж такими безбожниками воспитывалось их поколение, невольно перекрестилась, пытаясь отогнать прочь то ужасное, что невольно привиделось.

За московским окном вновь послышалось отдалённое конское ржание, но она осталась безразличной к нему. Словно с пологой горки на санках, медленно и неудержимо скатывалась в сон...

III

Выйдя из метро на Пушкинской, Михайлов неторопливо зашагал вниз по улице Горького, мимо хорошо знакомого «Елисеевского», столь известного каждому москвичу, да, впрочем, и приезжему, мимо книжного, известного в кругу книжечеев как «сотый», который всегда притягивал, как магнитом. Проходя мимо книжного магазина, Михайлов приветливо взмахнул рукой, сожалея, что в праздничный день он закрыт.

Всегда многолюдная, главная столичная улица была полупустынна — и её проезжая часть, и тротуары. Михайлов шёл неспешно, раздумывая о том, чем вызван вчерашний звонок и что от него желает звонивший. Ведь так, от нечего делать, серьёзные люди с Лубянки не звонят. До места встречи, внушитель-

ного дома, довольно густо отмеченного памятными мемориальными досками на фасаде, он дошёл гораздо быстрее, чем предполагал.

Самое удивительное, Михайлову хорошо и надолго запомнился этот дом. Запомнился, хотя в тот декабрьский вечерок был он не совсем трезв, если не сказать больше. К стыду своему, был изрядно пьян. Настолько, что не мог сообразить, где именно находится и куда ему надобно идти. То ли вернуться к приятелю, который жил неподалёку, но, как найти дорогу к его дому, как, впрочем, и сам дом, если за болтовнёй не успел хорошенько запомнить, то ли ехать в общежитие на Ленинские горы, куда он, увы, вряд ли сегодня сможет добраться. Такси ему точно не по карману — горстка мелочи... Вряд ли и на рубль наскребёт... В метро же его наверняка не пустят... А если и пустят, то, чего доброго, тут же и в медвытрезвитель определят.

Однако, как крепко ни был он пьян в тот декабрьский предновогодний вечер, всё-таки чувствовал, что мороз начинает ощутимо покусывать колени. Нижнее бельё — кальсоны или там спортивное трико — он никогда не надевал, как, впрочем, и многие сверстники, шеголяя в демисезонном пальто и лёгких ботинках, к тому же с непокрытой головой, как бы проверяя себя на прочность... Да и глупо было бы замерзнуть в столице. Это же тебе не Оймякон, известная столица холода, куда вернулся по окончании университета его сокурсник Семён Алданов, иногда в разговоре виновато ронявший, что, мол, человек он ко всему привычный, поскольку живёт в районе вечной мерзлоты. Там, бедняга, корреспондент местного радио, навечно впаялся в вечную ту мерзлоту, сгинул бесследно в одну из поездок по любимой своей Якутии...

Михайлову же этот раскосый, доверчивый, славный малый запомнился прежде всего тем, что в их шумной общежитийской компании, что собиралась, как правило, в день стипендии в комнате у Вити Соколова, балагура и певца-самородка, этот бедолага-якут пьянел раньше других, после первого же стакана, да какого там стакана, первого глотка.

Это они заливали в себя от души. И заливали во все не из-за большой любви к спиртному, а, скорее, ради ухарства, этакого куража, вот, мол, мы какие, парни с журфака, будущие владельцы человеческих душ. Пили они, что и говорить, изрядно. Куда же было тягаться с ними тому же бедному якуту, уже давно захмелевшему. И было этому объяснение: то, что за просто расщеплялось в их привычных утробах, не усваивалось его организмом из-за отсутствия того самого фермента, расщепляющего алкоголь. Потому-то, надо полагать, и спаивали доверчивых якутов русские купцы в начале освоения безмерных северных пространств, спаивали ради мягкого, да и